

Научная статья
УДК 811.163.41
doi: 10.17223/22274200/32/3

Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания)

**Райна Драгичевич¹, Мария Денисовна Королькова²,
Дарья Александровна Рыжова³, Юлия Леонидовна Шапич⁴,
Екатерина Ивановна Якушкина⁵**

¹*Белградский университет, Белград, Сербия*

²*Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

³*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

⁴*Российский центр науки и культуры «Русский дом»,
Россотрудничество, Москва, Россия*

⁵*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

¹*rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs*

²*skifane@gmail.com*

³*daria.ryzhova@mail.ru*

⁴*julija.sapic@gmail.com*

⁵*jkatia@yandex.ru*

Аннотация. С 2021 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова ведется работа над созданием нового большого сербского-русского словаря (на данный момент подготовлено пять первых букв сербского алфавита) на базе одно-томного толкового словаря сербского языка. В статье излагаются базовые принципы макро- и микроструктуры словаря, проблемы лексикографического описания (подбор эквивалентов, отражение полисемии и др.) и результаты сопоставительного анализа сербской и русской лексики, сопровождающего словарную работу.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, сербский язык, русский язык, сопоставительная лексикология

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Для цитирования: Драгичевич Р.Д., Королькова М.Д., Рыжова Д.А., Шапич Ю.Л., Якушкина Е.И. Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания) // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 43–60. doi: 10.17223/22274200/32/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/3

A new large Serbian-Russian dictionary (a general conception and problems of lexicographic description)

**Rajna Dragičević¹, Maria D. Korolkova², Daria A. Ryzhova³,
Yulia L. Shapich⁴, Ekaterina I. Yakushkina⁵**

¹ *University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia*

² *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

³ *National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation*

⁴ *Center for Russian Science and Culture “Russian House”,
Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation*

⁵ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs*

² *skifane@gmail.com*

³ *daria.ryzhova@mail.ru*

⁴ *julija.sapic@gmail.com*

⁵ *jkatia@yandex.ru*

Abstract. At Moscow State University, the team of authors is working on a new large Serbian-Russian dictionary (SRD) based on the descriptive dictionary of the Serbian language (2018). Currently the first five letters of the Serbian alphabet have been prepared. The dictionary is aimed at the Russian-speaking user. Compiling the SRD, the vocabulary of the descriptive dictionary is edited and updated. In this case, the authors take into account whether the word belongs to the Serbian or Russian national cognitive base, word-formation and semantic adaptation of borrowings, motivational, semantic and expressive potential of the Serbian word, etc. The dictionary is compiled in the Microsoft Word editor, but at the same time the authors work on the transferring of the already prepared materials onto the OnLex electronic lexicographic platform, which will significantly expand the functionality of the new dictionary. The design of the dictionary entry is based on the entry in the Serbian descriptive dictionary. When transforming an original descriptive entry into an SRD one, many difficulties may arise because of differences in the traditions of grammatical description or definition of collocations, phraseological units, metaphors,

etc. However, the main problem that arises is the correlation of the semantics of the original Serbian word with the semantics of the Russian word. Within one meaning, the problem is connected with the selection of equivalents, and within the polysemantic structure, in the adequate representation of this structure in a bilingual dictionary and its correlation with Russian equivalents. A great difficulty for lexicographic description is the functional and stylistic inconsistencies of equivalents. When displaying the structure of a polysemantic Serbian word in the dictionary, it is important to present the entire set of meanings of the original Serbian word. Working on the fragmentation of a polysemantic structure, the authors focus, among other things, on Russian equivalents and try to separate meanings that are characterized by different synonymous series of Russian equivalents. When it is possible, they take into account the achievements of lexical typology. The characteristic differences between Serbian and Russian vocabulary should become the subject of a systematic description in the future. The authors' work on the dictionary made it possible to identify a number of problems important not only for comparative, but also for Serbian lexicology. One of them is the status in the Serbian literary language of words predominantly used in the west of the Serbian linguistic territory.

Keywords: bilingual lexicography, Serbian language, Russian language, comparative lexicology

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

For citation: Dragićević, R., Korolkova, M.D., Ryzhova, D.A., Shapich, Yu.L. & Yakushkina, E.I. (2024) A new large Serbian-Russian dictionary (a general conception and problems of lexicographic description). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 43–60. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/3

Общие сведения о словаре. С 2021 г. на кафедре славянской филологии Московского университета совместно с кафедрой сербского языка Белградского университета ведется работа по составлению нового большого сербско-русского словаря. Необходимость в его подготовке назрела давно, поскольку основной существующий на данный момент «Сербско-хорватско-русский словарь» И.И. Толстого [1], несмотря на свои исключительные достоинства незаменимого справочника для чтения сербской художественной и этнографической литературы, даже в дополненном издании 1970 г., серьезно устарел и не может удовлетворять нуждам современного пользователя.

В основу нового сербско-русского словаря (НСРС) положено последнее издание однотомного толкового словаря сербского литературного языка (далее – РСЖ 2018) [2], включающего около

80 000 слов. В соответствии с объемом этого словаря НСРС должен быть большого типа, т.е. включать примерно то же число слов, что и сербский толковый словарь.

Словарь создается коллективно, на данный момент в работе участвуют восемь человек. Составлением сербского словника занимается профессор Белградского университета Райна Драгичевич. В данный момент ведется работа над буквой «Е».

НСРС задуман прежде всего как словарь для русскоязычного пользователя и, соответственно, должен включать ту информацию, которая необходима носителю русского языка, т.е. раскрывать семантику и другие характеристики сербского слова, знание которых необходимо для его правильного употребления, что не исключает возможность создания на основе НСРС версии словаря для пользователя с родным языком сербским.

Состав словника. При составлении словника НСРС словник РСЈ 2018 существенно редактируется, актуализируется – сокращается за счет устаревших лексем и дополняется (ср. вошедшие в словник лексемы *geјмер* ‘геймер’, *geјминг* ‘гейминг’, *гугловати* ‘искать в Интернете, гуглить’, отсутствующие в толковом словаре сербского языка) согласно последним словарям новых слов и заимствований [3–6], а также языковой компетенции составителя. Главный критерий отбора слова для словника НСРС – это присутствие лексемы в лексиконе современного образованного носителя сербского языка и/или в корпусе сербских текстов в Интернете [7]. Взаимодополняемость этих условий связана со спецификой используемого нами сербского корпуса, основанного на публикациях в сети. Объем учтенных текстов, их жанровая, стилистическая и хронологическая ограниченность делают невозможным использование корпусного критерия как единственного.

Помимо главного принципа, в спорных случаях учитываются и другие критерии, в целом соответствующие сформулированному В.П. Берковым принципу, что «составителю словника надлежит руководствоваться прежде всего функциональной ролью лексемы в данном языковом коллективе, а также ролью эквивалента в коллективе выходного языка» [8. С. 24]:

1) принадлежность слова (vs обозначаемого им понятия), в том числе научного названия, термина или историзма к сербской или русской национальной когнитивной базе (например, частотная в сербской эпической поэзии лексема *грanaјлија* ‘ружье’ (старинное, укра-

шенное узором в виде ветки) или интернациональное научное название латинского происхождения *гинсенг* (лат. *Panax ginseng*) ‘женьшень’, которое вносится в словарь в том числе потому, что женьшень, несомненно, относится к общеизвестным в России растениям);

2) интернациональные наименования и термины вносятся в словарь, если в русском языке слово имеет иной вид (ср. пример из предыдущего пункта: *гинсенг* (лат. *Panax ginseng*) ‘женьшень’);

3) при включении в словник историзмов, имен собственных и имен культурных концептов, относящихся к универсальной когнитивной базе, учитывается их словообразовательная и семантическая адаптация в сербском языке и частотность в литературе: *Гестапо* ‘Гестапо’ (ср. нареч. *гестаповски* ‘по-гестаповски, жестоко’); *Голијат* ‘Голиаф’ (ср. второе значение ‘великан’); *гејша* ‘гейша’ (ср. устойчивое сравнение *као гејша: обући се као гејша* ‘одеться, как гейша’, *понашати се као гејша* ‘вести себя, как гейша’); *гвинеја* ‘гинея’ (часто встречается в переводной литературе).

4) учитывается словообразовательный критерий: в словник включаются редкие слова, служащие мотивационной базой для более частотных (ср. редкое *галити* ‘веселить, успокаивать’ при частотном *разгалити се* ‘развеселиться, успокоиться’); *грамзити* ‘насильно присваивать’ и *грамзив* ‘алчный’, *гонетати* ‘одгадывать, загадывать’ и *загонетка* ‘загадка’); включаются редкие слова, образованные по продуктивной модели (ср. *голица* ‘голая земля’, ‘нектарин’, ‘дыня без сетки на поверхности кожуры’); из словника исключаются варианты звукоподражательных слов (исключается *гагакати* ‘гоготать’ при наличии *гакати*), некоторые диминутивы и аугментативы, в том числе, например, от названий растений, которые традиционно включаются в словник сербских толковых словарей;

5) в словник включаются редкие слова с богатым семантическим и экспрессивным потенциалом, открытые для использования в новых контекстах (*гаравац* ‘брюнет’, ‘грязный, черный’, ‘оборванец’).

Критически оценивается трактовка словарем РСЈ 2018 некоторых лексем как омонимов или элементов структуры многозначных слов (ср., с одной стороны, неоправданное разделение на омонимы значений слова *горосеча* ‘дровосек’ и ‘рубка леса’, а с другой – неверное объединение в одной статье лексем *горе* ‘наверху’ и *горе* ‘хуже’). Согласно традиции РСЈ 2018, в НСРС акцентологические, морфологические и словообразовательные варианты лексем не включаются в словник и указываются после заглавного слова.

Проблемы, возникающие при отборе слов для словника из разных лексико-семантических разрядов, в том числе фитонимов, зоонимов, историзмов, феминитивов, имен инокультурных концептов, имен собственных, диминутивов, аугментативов, подробно рассмотрены в статье Р. Драгичевич [9]. Помимо групп, перечисленных в этой работе, проблемными в плане включения в словник являются так называемые хорватизмы, т.е. слова, пришедшие в речь сербов из литературного языка Хорватии и с большей или меньшей степенью активности употребляемые сербами в Боснии и Герцеговине (подробнее об этой проблеме см.: [10]). Подобные слова включаются в НСПС с пометой *рег.*, хотя в РСЈ они такой пометой не снабжаются. Если современное употребление лексемы противоречит нормативному, то предпочтение отдается норме сербского языка, а не узусу. Наиболее ярким примером этого могут послужить распространяющиеся в современном языке обозначения женщин по роду занятий (*психолошкиња* ‘психолог’ (о женщине) вместо нормативного *психолог* ‘психолог’ (о любом человеке)). Такое решение обусловлено ориентацией словаря на поддержание высокого уровня языковой культуры его пользователей, тем более что они как иностранцы плохо владеют литературной нормой, и одна из задач НСПС – продемонстрировать им правила употребления слов. По этой же причине в словник не включаются вулгаризмы.

С целью уточнения критериев включения в словарь специальной лексики (терминологии) был проанализирован опыт авторитетного «русско-сербского словаря» [11]. Первые буквы данного словаря были сопоставлены с Малым академическим словарем под ред. А.П. Евгеньевой [12] на предмет включения в словник медицинских, фармацевтических, юридических, финансовых, лингвистических и музыкальных терминов. В группе названий болезней, начинающихся на *а*, в обоих словарях представлены лексемы *ангина* (740 употреблений в НКРЯ), *анемия* (232), *астения* (56). Слова *абулия* (15 употреблений в НКРЯ), *атония* (42) и *афазия* (153) представлены только в МАС, тогда как *амнезия* (197 употреблений в НКРЯ), *аутизм* (162), *артроз* (38), *анорексия* (33), *агнозия* (29), *алексия* (18), *аграфия* (15), *алалия* (14), *абазия* (2), содержащиеся в словаре [13], не зафиксированы ни одним из сопоставляемых источников, хотя *амнезия* и *аутизм* явно относятся к широко распространенным терминам, что подтверждается и корпусными данными. В связи с возможностью возникновения подобных лакун представляется целесообразным систематически отсле-

живать включение в словник всех терминов определенной тематической группы (например, в лингвистической сфере – включение названий всех знаков препинания) или наиболее частотных из них [14].

Форма словаря. В настоящее время словарь составляется в редакторе Microsoft Word в виде рукописи, которая потом должна быть опубликована в печатном виде, однако параллельно ведется работа по переводу уже подготовленных материалов на электронную лексикографическую платформу OnLex [15].

Электронная платформа существенно расширит функционал нового словаря. Во-первых, поскольку для электронной версии столь значимая для бумажных изданий проблема экономии места не актуальна, переход на платформу OnLex позволит включать в словарные статьи больше иллюстраций, необходимых для понимания принципов употребления слова. Во-вторых, дизайн платформы позволяет включать в словарную статью не только сведения о семантике и сочетаемости заглавных слов, но и приводить полные парадигмы их изменения (с последующей возможностью поиска по любой форме слова, не только по начальной). В-третьих, помимо текстовых данных, платформа допускает хранение мультимедийных файлов, в частности аудиозаписей, что позволит снабдить словарные статьи аудиосопровождением: будут озвучены заглавные слова и парадигмы (что важно, поскольку и в сербском, и в русском языках подвижное ударение, а в сербском оно еще и музыкальное), а также примеры словосочетаний. В-четвертых, расширятся возможности поиска: платформа имеет инструментарий, чтобы осуществлять поиск не только по заглавному слову, но и по другим частям словарной статьи (по пометам, по парадигмам, по переводным эквивалентам и по примерам), что позволит в том числе использовать словарь и как русско-сербский. Наконец, платформа предоставляет удобную рабочую среду для составителя: можно не только загружать в базу уже готовые материалы, но и работать над новыми словарными статьями непосредственно на сайте с возможностью последующей конвертации данных в формат .doc(x). Это позволит сократить объем технической работы, в частности, форматирование разных фрагментов словарной статьи будет осуществляться автоматически как для представления через пользовательский интерфейс, так и для конвертации в традиционный текстовый формат.

Структура словарной статьи. В основу оформления словарной статьи положена статья словаря РСЈ 2018, на котором базируется и

словник. Словарная статья включает: 1) акцентуированное заглавное слово и при наличии – его варианты (родовые, акцентологические, словообразовательные); 2) грамматическую информацию: а) для существительных – информацию о роде, для глаголов – о виде, для прилагательных – информацию о родовых формах, для прочих частей речи – указание на частеречную принадлежность; б) информацию о нерегулярных или аномальных грамматических формах; 3) стилистическую и отраслевую помету; 4) эквивалент; 5) примеры; 6) фразеологию. В отличие от исходного словаря, в нашем словаре не дается этимологическая помета, сокращаются или дополняются примеры и в многозначных словах иногда перерабатывается структура значения, в редких случаях могут добавляться стилистические пометы или пометы отрасли знания, управление сербского глагола, если оно отсутствует в толковом словаре. Спорадически в словарной статье может появляться информация о синонимах и антонимах, если указание на них важно для уточнения семантики слова. Приведем пример статьи НСРС, повторяющей по структуре статью из РСЈ 2018¹:

дневно прил. **а.** на дан, за један дан: јести три пута ~. **б.** из дана у дан, сваког дана, свакодневно: примати плату ~, излазити ~ (о новинама) (РСЈ 2018).

дневно нареч. **а.** в день; **јести три пута** ~ есть три раза в день **б.** ежедневно; **примати плату** ~ получать зарплату ежедневно, **излазити** ~ выходить ежедневно (о газете) (НСРС).

При трансформации статьи РСЈ 2018 в статью НСРС могут возникать сложности, связанные с различиями в традициях грамматического описания или определения коллокаций, фразеологизмов, метафор и т.п. Однако главная проблема, которая встает при составлении статьи для сербско-русского словаря, – это соотнесение семантики исходного сербского слова с семантикой русского слова. В пределах одного значения проблема заключается в подборе эквивалентов, а в пределах полисемантической структуры – в адекватном представлении этой структуры в двуязычном словаре и соотнесении ее с русскими эквивалентами.

Проблемы несоответствия двух близкородственных языковых систем касаются не только традиционно выделяемой безэквивалентной

¹ Хотя заглавные слова в НСРС акцентуируются, в тексте данной статьи по техническим причинам они приводятся без ударений.

лексики, восходящей к отсутствию культурных реалий в одной из сопоставляемых культур, и не только сложностей перевода фразеологических единиц. Большую трудность для лексикографического описания представляют функциональные и стилистические несоответствия лексики, традиционно считающейся эквивалентной. Такие несоответствия имеют место по большей части среди дериватов с общими корнями. Расхождения в структуре подзначений многозначных слов могут приводить к несовпадениям функциональной составляющей. Так, например, у сербского слова *војвода* выделяется более широкий, чем у русского *воевода*, спектр значений, связанный с культурно-историческими реалиями территории распространения сербского языка.

војвода *м (мн. ж) (зв. -до (-да))* **1.** *ист.* воевода (командующий армией) **2.** *ист. а.* воевода (управляющий областью, краем в средневековой Сербии; правитель княжества, нахии или предводитель племени в Черногории и Герцеговине в период османского ига; правитель княжества, нахии в Сербии во время Первого сербского восстания) **б.** управляющий территориальной единицей в Белградском пашалыке (турок) **в.** губернатор Воеводины в Австро-Венгрии **3.** *ист.* воевода (высший военный чин в старой сербской и черногорской армии и югославской армии до Второй мировой войны); ~ **Путник** воевода Путник, ~ **Степа Степановић** воевода Степа Степанович **4.** *ист.* воевода (предводитель усташей, высший чин в формированиях четников) **5.** член семьи правителя (в некоторых странах) **6.** *этно.* (особый) участник свадебной церемонии (принимающий дары для невесты в конце свадебного шествия) • **велики** ~ *ист.* главный военачальник в старой Сербии и Черногории.

Функциональные различия слов могут быть связаны с сочетаемостью, в таком случае они поддаются описанию только с помощью примеров употребления слова. Так, например, для русского языка не характерны словосочетания **головокружительный человек* как эквивалент сербскому *вртоглав човек* ‘человек, у которого кружится голова’ или **вертеть плечами* как эквивалент *вртети плећима* [16. С. 119–120].

Отсутствие межъязыкового параллелизма на уровне словообразовательной структуры (в той же синхронной плоскости, в том же количественном отношении и т.д., ср. *градић* и *городок*) также сопряжено с системными трудностями перевода. Примером может послужить сербский формант *-иште*- в таких словах, как *бобовиште* ‘место, где росли бобы’, *вртиште* ‘место, где был сад’; компонент *-бран* в составе продуктивной

модели из двух корней: *кишобран* ‘зонт’, *блатобран* ‘брызговик’ и др.; -*арина* со значением ‘плата за’: *путарина* ‘сбор на платной дороге’, *станарина* ‘квартиплата’ и др.; *боља* ‘боль/болезнь’: *главобоља* ‘головная боль’, *грудобоља* ‘боль в груди’ и др. (об этом подробнее см. в [17]).

Зачастую сербское слово не имеет однословного эквивалента в русском языке. Это явление может возникать в том числе в сербских дериватах от двух производящих основ (*црнобрадаш* ‘чернобородый человек’, *црноберзијанац* ‘тот, кто работает на черной бирже’), феминитивах (*ауторка* ‘автор’ (о женщине), *авијатичарка* ‘пилот’ (о женщине), *агенткиња* ‘агент’ (о женщине)), диминутивах (*аријица* ‘небольшая ария’, *багремчић* ‘небольшая акация’, *баракица* ‘небольшой барак’), формально непереводаемых наречиях (*решићи бескрвно* ‘решить мирным путем’ (букв. «без крови»), *живети бескрвно* ‘жить на улице’ (букв. «без крыши»)), в словах с коннотативными и ассоциативными смысловыми приращениями, стилистически неэквивалентных словах и др. Помимо формальной безэквивалентности многих сербских диминутивов, причиной трудностей в подборе для них русских соответствий является более широкий диапазон словоформ в русском языке, которые имеют различную, иногда диаметрально противоположную эмоциональную окраску, зависящую от функционально-коммуникативного наполнения высказывания, которую невозможно определить однозначно без прагматического компонента иллюстративного примера. Например, *бродић* ‘кораблик’ в русском диапазоне значений может включать и уменьшительное, и иронически-увеличительное значение, ср. *Ничего себе кораблик!* ‘огромный’ (для сербского языка нетипично). Дополнительную сложность вызывают сербские диминутивы, имеющие помету *дем. од Х*, где *Х* представляет собой многозначное слово с несколькими значениями. В толковательной части сербского словаря не указывается, к какому из значений многозначного слова относится производное с пометой *дем.*, в то время как подзначения могут быть истолкованы разными русскими эквивалентами. Сказанное относится и к словам, толкуемым синонимами. Например, *барјак* семантизируется синонимами *флаг* и *знамя*, однако диминутив возможен лишь от слова *флаг* (подробно о проблеме описания диминутивов в НСПС см.: [18]).

Экспликация многозначности. При отображении в словаре структуры многозначного сербского слова на данный момент мы исходим из нескольких соображений.

Во-первых, поскольку словарь ориентирован прежде всего на русскоязычного пользователя, мы стараемся достаточно подробно представить весь набор значений исходного сербского слова. Во-вторых, при определении степени дробности представления полисемии мы ориентируемся в том числе на русские эквиваленты. Как правило, для многозначного сербского слова в русском языке есть не только многозначный эквивалент с близким набором значений, но и слова с более узкой семантикой, соответствующие исходному сербскому слову только в некоторых контекстах (ср. принятое в отечественной лексикографии понятие *контекстные синонимы*). Мы стараемся разделять значения, для которых характерны разные синонимические ряды русских переводных эквивалентов. См., например, фрагмент словарной статьи для слова *време*: несмотря на наличие когната *время*, мы выделяем у исходного сербского слова несколько значений, которым соответствуют разные наборы переводных эквивалентов (*часовой пояс* vs. *час*, *пора* vs. *период*, *сезон* vs. *эпоха*, *времена* vs. *время года*). Каждое значение иллюстрируется «диагностическими» контекстами – частотными сочетаниями и конструкциями, отражающими специфику употребления слова именно в этом значении.

време *иекав. вријеме*, времена с 1. (только ед.) *филос., астр., физ., мат., лингв.* время; **простор и** ~ пространство и время, **израчунати** ~ рассчитать время 2а. время (дня); **тачно** ~ точное время, **показати** ~ показать время 2б. время, часовой пояс; **средноевропейско** ~ центральноевропейское время 3. (только ед.) а. время, час, пора; ~ **ручка** время обеда, ~ **му је за женидбу** ему пора жениться, ~ **за растанак**, **за наплату** час расставания, расплаты 3б. время, период, сезон; ~ **цветања љубичица** период цветения фиалок, ~ **жетве** время жатвы, ~ **сетве** время сева, посевной период, ~ **бербе** время уборки урожая 4а. период, эпоха, времена; ~ **Немањића** эпоха Неманичей, **Карађорђево** ~ эпоха Карагеоргия, **турско** ~ турецкий период, ~ **Хабзбурговаца** эпоха Габсбургов 4б. (часто мн.) время, времена; **тешка** ~на тяжелые времена, **мутна** ~на темные времена 5. время года, период; **пролећно** ~ весна, весеннее время года, весенний период.

Наконец, в-третьих, мы по возможности учитываем достижения лексической типологии последних лет, согласно которым есть ряд параметров, влияющих на лексикализацию различных семантических зон. В частности, известно, что в языке один и тот же признак может обозначаться по-разному в зависимости от того, объект какого типа он характеризует (ср. *пустой* (контейнер) vs. *полый* (цельный объект); *толстая палка* vs. *широкая лента* (длинный вытянутый объемный

объект vs. длинный вытянутый плоский объект), или в зависимости от того, каким органом чувств он воспринимается (ср. *ровная* vs. *гладкая поверхность*: в первом случае качество оценивается скорее зрительно, во втором – тактильно)¹. Аналогично от типа описываемого объекта может зависеть обозначение частей ('низ', 'верх', 'бок' и т.п.); выбор глагола определяется типом одного или нескольких его аргументов (ср. *рубить* (дрова топором) vs. *пилить* (деревянный объект пилой) vs. *рвать* (ткань или бумагу руками))². Приведем в качестве примера словарную статью для слова *дно*, которую мы перерабатываем в соответствии с этими принципами: мы объединяем в одно значение все случаи, когда это существительное описывает нижнюю часть природного объекта – контейнера, но выносим в отдельное значение контексты, соответствующие обозначению нижней части контейнеров – артефактов. Поскольку природные объекты и артефакты – объекты разных таксономических классов, их нижние части могут получать разные лексические обозначения. Даже в русском языке помимо слова *дно*, применимого по отношению к объектам обоих типов, есть также существительное *доньшко*, сочетающееся только с обозначениями артефактов.

дно с (редко у мн.) **а.** *чврсто тло под воденом масом мора, језера, реке и сл.:* морско ~, речно ~, ~ језера, ~ баре. **б.** *доњи, најнижи део неког удубљења на Земљиној површини (долине, котлине и сл.):* ~ јаме, ~ долине, ~ кланца [а. твердое основание для водной массы моря, озера, реки и пр. б. нижняя часть углубления в земной поверхности (долины, котловины и пр.)] (РСЈ 2018).

дно с (редко мн.) **1.** *дно; морско ~ морское дно, ~ језера* дно озера, ~ *кланца* дно ущелья, ~ *долине* дно долины **2.** *дно, доньшко; ~ лонца* дно кастрюли, ~ *сандука* дно ящика, *сундука*, ~ *брода* дно судна, ~ *резервоара* дно резервуара.

НСРС как основа для сопоставительных лексикологических исследований сербского и русского языков. Характерные отличия сербской и русской лексики, по замыслу авторов словаря, в будущем должны стать предметом систематического описания.

¹ Подробнее о лексической типологии качественных признаков см. в [19].

² О параметрах, влияющих на лексикализацию ситуаций разделения объекта на части, см. в [20]. Значимость семантического типа участников для выбора глагола, обозначающего всю ситуацию, была продемонстрирована и для многих других семантических зон, ср. в [21] о глаголах ползания, [22; 23] – о глаголах еды и питья, [24] о глаголах падения и др.

Анизоморфизм лексических структур сербского и русского языков проявляется на уровне категоризации и большей обобщенности семантики в сербском языке по отношению к русскому, т.е. в широком диапазоне реализуемых в сербском языке значений (ср. *белац* ‘человек с белой кожей’, ‘священник’, ‘конь’; *белача* ‘верхняя одежда’, ‘носки’; *белица* ‘пшеница’, ‘(белая) слива’, ‘черешня’, ‘куница’, ‘рыба’ и др.).

В сербском языке чаще, чем в русском, выражается семантика женского пола: в сербском выделена лексико-семантическая группа существительных мужского и женского рода, которым в русском соответствует или существительное только одного, мужского рода, или вообще не соответствует субстантивированная форма: *безазленик* ‘незлобивый человек’ – *безазленка*; *безбрижник* ‘беззаботный человек’ – *безбрижница*; *бесавесник* ‘бессовестный человек’ – *бесавесница*; *бескућник* ‘бездомный’ – *бескућница* и т.д.

На грамматико-семантическом уровне выявляются межъязыковые несоответствия на уровне грамем в рамках категорий рода и числа у имен, вида и рефлексивности у глаголов, а также различные случаи неполных парадигм. Так, в сербском языке группа наименований красящих веществ имеет единственное, а в русском – множественное число: *белило* – *белила*, *вранило* – *чернила*, *руменило* – *румяна*, см. также *гаравило*, *гарило* и т.д.

Межъязыковое сопоставление глаголов выявляет отсутствие, ограничения или нетипичность употребления одного из видов: *бацати икру* или *бацати бисере пред свиње* нетипично для русского языка, ср. **метнуть икру*, **бросить бисер перед свиньями*. Асимметрия наблюдается у глаголов *одушевити се* – *одушевљавати се* и *восторгаться*; *припадати* – *припасти* и *принадлежать*, *заспати* и *засыпать* – *заснуть*. Ряд глаголов имеет особую возвратную форму: *гладити се* – *поглаживать себя*; *осећати се* – *чувствовать себя*; *гледати се* – *смотреть на себя / свое отражение* (наряду со *смотреться*). Особую группу образуют взаимовозвратные глаголы: *воleti се* – *любить друг друга*, *знати се* – *знать друг друга*, *ударати се* (*кресати се*) – *бить друг друга* и т.д. [17].

В работе [25] на примере переводных эквивалентов *бацати* и *бросать* показано, что в качестве инструмента для глубокого системного сопоставления русской и сербской лексики можно использовать результаты типологических исследований соответствующей семантиче-

ской зоны. В задачи лексико-типологического исследования того или иного семантического поля входит выявление набора значений, которые могут быть лексически противопоставлены друг другу в языках мира. Этот же набор может использоваться в качестве диагностического при сопоставлении русских и сербских переводных эквивалентов. Поскольку лексические системы, в отличие от грамматических, не очень устойчивы и быстро меняются, очень часто оказывается, что сербские и русские слова (в том числе когнаты) покрывают несколько разные фрагменты типологического набора (см., например, [26] о различиях в зоне глаголов поля ‘толкать’ или [27] о разных путях развития когнатов в семантическом поле ‘чистый’). Для лексической типологии близкородственных языков важно установить, одинаковы ли стратегии развития многозначности у когнатов (типа *дно*) и неродственных эквивалентов (типа *бросать* и *бацати*), насколько устойчиво наследственное семантическое единство живет в родственных словах и насколько сильно в близкородственных языках единство видения одной и той же ситуации (в случае *бросать* – *бацати*).

Работа над словарем позволила выявить ряд проблем, важных не только для сопоставительной, но и для собственно сербской лексикологии. Одна из них – это статус в сербском литературном языке слов, преимущественно употребляемых на западе сербской языковой территории. Традиционно они считаются результатом влияния языка на территории Хорватии, но широко употребляются в сербской среде Боснии и Герцеговины и трактуются там как полноправные сербские слова (*кино* ‘кино’, *тава* ‘сковорода’, *мрква* ‘морковь’ и др.) [10].

Заключение. Работа над двуязычным словарем близкородственных языков, каким является НСПС, подразумевает много трудностей, проистекающих не только от несовпадения сопоставляемых лексических систем, но и от различий в традициях словарного описания сербской и русской лексики, которые должны стать предметом отдельной статьи. Несовпадение лексикографических матриц: системы помет, подхода к трактовке вариантов, полисемантической структуры слова – все это значительно осложняет презентацию сербской лексики для русскоязычного пользователя. В процессе работы над словарем авторы не просто представляют сербскую лексику средствами русской, но и соотносят сербский лексикографический метаязык с русским. Такое сопоставление помогает раскрыть целый ряд важных

черт как сербской, так и русской лексики и принципов организации лексических систем сопоставляемых языков в целом.

Список источников

1. Толстой И.И. Сербско-хорватско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 1168 с.
2. Речник српскога језика. Београд : Matica srpska, 2018. 1474 с.
3. Prčić T., Dražić J., Milić M. i sarad. Srpski rečnik novijih anglicizama. Novi Sad : Filozofski fakultet, 2021. 641 с.
4. Оташевић Ђ. Речник нових речи. Београд : Алма, 2008. 258 с.
5. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад : Прометеј, 2012. 1045 с.
6. Клајн И., Шупка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад : Прометеј, 2007. 1644 с.
7. SrWas Serbian corpus from the Web. URL: <https://www.clarin.si/ske/#concordance> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Берков В.П. Двужычная лексикографія. СПб : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 248 с.
9. Драгићевећ П. Проблеми у избору одредница у српско-руском речнику // Stephanos. 2024. № 1 (63). С. 54–64.
10. Якушкина Е.И., Црняк Д. Лексическое варьирование в речи носителей литературного языка на территории Республики Сербской // Филолог. 2023. № 28. С. 119–135.
11. Русско-сербский словарь / ред. Б. Станкович. Нови Сад : Матица Српска ; М. : Рус. яз., 1998. 1001 с.
12. Малый академический словарь. Т. 1–4 / ред. А.П. Евгеньева ; Институт русского языка АН СССР, 1957–1960. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
13. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. проф. Э.Г. Улумбекова. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. 2263 с.
14. Королькова М.Д. Специальная лексика в двужычным словаре // Славистика. 2023. XXVII/2 (в печати).
15. Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language // Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille : European Language Resources Association, 2022. P. 61–64.
16. Шапич Ю.Л. О роли пользователя в лексикографическом источнике // Славистика. 2023. XXVII/1. С. 115–123.
17. Шапич Ю.Л. Сопоставительное описание лексических систем на материале сербско-русского словаря // Славяноведение. 2024 (в печати).
18. Шапич Ю.Л. О проблеме лексикографического представления диминутивов в сербско-русском словаре // Јужнословенски филолог. 2024 (в печати).

19. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds). The Typology of Physical Qualities. Typological Studies in Language. Vol. 133. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2022. 340 p.
20. Majid A., Bowerman M. Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics. 2007. № 18 (2). С. 133–152.
21. Fillmore C.J., Atkins B.Ts. Describing Polysemy: The Case of ‘Crawl’ // Polysemy: Theoretical and Computational Approaches. Oxford: Oxford University Press. 2000. С. 91–110.
22. Croft W.A. Connecting frames and constructions: A case study of ‘eat’ and ‘feed’ // Constructions and Frames. 2009. № 1 (1). P. 7–28.
23. Newman J. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2009. 296 p.
24. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Типология глаголов падения // Acta linguistica petropolitana : труды Ин-та лингвист. исслед. РАН. Т. XVI, ч. 1. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 1091 с.
25. Рыжова Д.А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 2 (в печати).
26. Шерстюк А.Ю., Резникова Т.И. О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 21–33.
27. Резникова Т.И., Печникова В.М. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // Slavistica Revija. 2021. Т. 69, № 1. С. 103–120.

References

1. Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [Serbian-Croatian-Russian dictionary]. Moscow: Gos. Izd-vo inostr. i nats. slovaryey.
2. Matica srpska, (2018) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Beograd: Matica srpska. (In Serbian).
3. Prčić, T. et al. (2021) *Srpski rečnik novijih anglicizama* [Serbian Dictionary of new anglicisms]. Novi Sad: Filozofski fakultet. (In Serbian).
4. Otasheviћ, Ђ. (2008) *Recčnik novih reči* [Dictionary of new words]. Beograd: Alma. (In Serbian).
5. Otasheviћ, Ђ. (2012) *Frazeološki rečnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Prometej. (In Serbian).
6. Klajn, I. & Shipka, M. (2007) *Veliki rechnik stranih rechi i izraza* [Large dictionary of foreign words and expressions]. Novi Sad: Prometej. (In Serbian).
7. *SrWac Serbian corpus from the Web*. [Online] Available from: <https://www.clarin.si/ske/#concordance> (Accessed: 15.01.2024).
8. Berkov, V.P. (1996) *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual lexicography]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
9. Dragiћeviћ, R. (2024) Problemi u izboru odrednitsa u srpsko-ruskom rechniku [Problems in the selection of clauses in the Serbian-Russian dictionary]. *Stephanos*. 1 (63). pp. 54–64.

10. Yakushkina, E.I. & Tsornyak, D. (2023) Lexical Variation Among Standard Language Speakers in Republic of Srpska. *Filolog* 28. pp. 119–135. (In Russian). doi: 10.21618/fil2328119j
11. Stankovich, B. (ed.) (1998) *Russko-serbskiy slovar'* [Russian-Serbian dictionary]. Novi Sad: Matitsa Srpska; Moscow: Russkiy yazyk.
12. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957—1960) *Malyy akademicheskii slovar'* [Small academic dictionary]. Vols 1–4. Moscow: USSR AS Institute of the Russian Language.
13. Ulumbekov, E.G. (2012) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskih terminov* [Large encyclopedic dictionary of medical terms]. Moscow: GEOTAR-Media.
14. Korol'kova, M.D. (n.d.) Spetsial'naya leksika v dvuyazychnom slovare [Special vocabulary in a bilingual dictionary]. *Slavistika*. XXVII/2. (In press).
15. Makarov, Y., Melenchenko, M. & Novokshanov, D. (2022) Digital Resources for the Shughni Language. *Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: European Language Resources Association. pp. 61–64.
16. Shapich, Yu.L. (2023) O roli pol'zovatela v leksikograficheskom istochnike [On the role of the user in a lexicographic source]. *Slavistika*. XXVII/1. pp. 115–123. (In Russian). doi: 10.18485/slavistika.2023.27.1.9
17. Shapich, Yu.L. (n.d.) Sopostavitel'noe opisanie leksicheskikh sistem na materiale serbsko-russkogo slovaryia [Comparative description of lexical systems based on the material of the Serbian-Russian dictionary]. *Slavyanovedenie*. (In press).
18. Shapich, Yu.L. (n.d.) O probleme leksikograficheskogo predstavleniya diminutivov v serbsko-russkom slovare [On the problem of lexicographic representation of diminutives in the Serbian-Russian dictionary]. *Juzhnoslovenski filolog*. (In press).
19. Rakhilina, E., Reznikova, T. & Ryzhova, D. (eds) (2022) *The Typology of Physical Qualities. Typological Studies in Language*: Vol. 133. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
20. Majid, A. & Bowerman, M. (2007) Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive Linguistics*. 18 (2). pp. 133–152.
21. Fillmore, C.J. & Atkins, B.Ts. (2000) Describing Polysemy: The Case of 'Crawl'. IN: Ravin, Y. & Leacock, C. (eds) *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press. pp. 91–110.
22. Croft, W.A. (2009) Connecting frames and constructions: A case study of 'eat' and 'feed'. *Constructions and Frames*. 1 (1). pp. 7–28.
23. Newman, J. (2009) *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
24. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. & Ryzhova, D.A. (2020) The metaphors of falling. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. XVI (1). pp. 64–114. (In Russian).
25. Ryzhova, D.A. (2024) Tipologiya i leksikografiya: russkiy glagol "brosit'" i ego serbskiy perevodnoy ekvivalent "batsiti" na tipologicheskom fone [Typology and lexicography: the Russian verb "brosit'" and its Serbian translational equivalent "batsiti" on a typological background]. *Slavyanovedenie*. 2. (In press).

26. Sherstyuk, A.Yu. & Reznikova, T.I. (2021) On Semantic Continuity: The Domain of ‘Pushing’ in Slavic Languages. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 80 (5). pp. 21–33. (In Russian). doi: 10.31857/S241377150017125-0

27. Reznikova, T.I. & Pechnikova, V.M. (2021) Pure typology: The Lexicalization of ‘pure’ and ‘clean’ in Slavic Languages. *Slavisticna Revija*. 69 (1). pp. 103–120. (In Russian).

Сведения об авторах:

Драгичевич Райна – д-р филол. наук, профессор филологического факультета Белградского университета (Белград, Сербия). E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Королюкова Мария Денисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: skifane@gmail.com

Рыжова Дарья Александровна – канд. филол. наук, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия). E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

Шапич Юлия Леонидовна – канд. филол. наук, Российский центр науки и культуры «Русский дом», преподаватель, Россотрудничество (Москва, Россия). E-mail: julija.sapic@gmail.com

Якушкина Екатерина Ивановна – д-р филол. наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: jkatia@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rajna Dragičević, Dr. Sci. (Philology), professor, University of Belgrade (Belgrade, Republic of Serbia). E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Maria D. Korolkova, Cand. Sci. (Philology), researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: skifane@gmail.com

Daria A. Ryzhova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: daria.ryzhova@mail.ru. ORCID 0000-0002-8387-0049

Yulia L. Shapich, Cand. Sci. (Philology), Center for Russian Science and Culture “Russian House”, teacher, Rossotrudnichestvo (Moscow, Russian Federation). E-mail: julija.sapic@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4788-5497

Ekaterina I. Yakushkina, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: jkatia@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0052-1338

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 22.05.2024.*